

Когда у Ярослава Смелякова я читаю о юном красноармейце, павшем в бою:

И если правда будет время,
Когда людей на страшный суд
Из всех земель с грехами всеми
Трикратно трубы призовут,—
Предстанет за столом судейским
Не бог с тумашной бородой,
А паренек красноармейский
Пред потрясенною толпой...
Он все увидит, этот мальчик,
И ни поты не простит,
Но лезть — от правды, боль — от фальши
И гнев от злобы отличит,—

когда я читаю об этом русском мальчике, силой своих страданий за родную землю, силой любви к ней заступившем место бога, я чувствую себя одним из тех, кто составляет помянутую поэтом потрясенную толпу.

В этой толпе я хотел бы видеть и своего сына, и авторов писем-предложений «очистить» наш язык от анахронизмов, и их детей, и все поколения юных читателей, которым мы, конечно, желаем только добра,

В. БУШИН

ЕСТЬ — КУШАТЬ — ПИТАТЬСЯ

В нашей речи есть слова-пасынки, слова-золушки. Историю некоторых из них мы и расскажем.

У глагола *есть* в значении 'принимать пищу' — большая и долгая жизнь. И кажется, нет оснований беспокоиться о его судьбе. Слово необходимо. А между тем все чаще и чаще приходится сталкиваться с тем, что функции глагола *есть* насильственно передаются его синониму *кушать* или глаголу *питаться*. Что говорят в этом случае классики? Начнем с пушкинских строк из поэмы «Руслан и Людмила». Юная Людмила в волшебном саду:

Обед прекрасный перед ней...». Но Людмила знает, что все это от злодея Черномора, и —

Людмила умереть умест!
Не нужно мне твоих шатров,
Ни скучных песен, ни пиров —
Не стану есть, не буду слушать,
Умру среди твоих садов.
Подумала — и стала кушать.

Решительное «не стану есть» сменяет еще детски непоследовательное «и стала кушать».

Посмотрим, как использует различные смысловые оттенки *есть* и *кушать* Гоголь, создавая образ «прекрасного человека Ивана Ивановича» в «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»: «Прекрасный человек Иван Иванович. Он очень любит дыни; это его любимое кушанье. Как только отобедает... приказывает Гапке принести две дыни, и уже сам разрежет, соберет семян в особую бумажку и начнет кушать. Потом велит Гапке принести чернильницу и сам, собственной рукой, сделает надпись над бумажкою с семенами: „Сня дыня съедена такого-то числа“». Глаголы *кушать* и *есть* сообщают особую окраску речи автора и его героя. У автора почтительность проницая, автор улыбается, смеется: «Прекрасный человек Иван Иванович... сам начнет кушать». Иван Иванович же исполнен серьезности. «Сня дыня съедена» — оборот книжный, официальный. Для Ивана Ивановича это серьезное дело. Попробуйте, замените *съедена* — *скушана* и вся серьезность, уверенность, монументальность Ивана Ивановича пошатнется: он засюсюкает, как ребенок.

А вот жена одного современного «руководящего работника» в фельетоне В. Карбовской «Вопросы морали» настаивает на *кушать*. Муж сообщает: « — Вот тоже насчет *кушать* полемика разыгралась. — Хххосподи! То насчет *выпить*, теперь насчет *кушать* — прямо ни охнуть, ни вздохнуть! А в каком смысле? — В том смысле, что лично про себя нужно употреблять слова *я ем*, а не *я кушаю*, чтоб не было к самому себе слишком слащаво и уважительно. А еще *я пришел*, а не *я прибыл*. — Новое дело! Конечно, какой-нибудь подсобник или даже слесарь может про себя выразиться *я ем*, *я пришел*, а начальник? Нет уж, это прямо даже странно».

Так, противопоставив пары стилистически окрашенных глаголов, В. Карбовская показывает весьма своеобразное

понимание этики и морали у некоторых людей. А в рассказе «Почему они поженились» слова *есть* — *кушать* — *нажираться* раскроют псевдоинтеллигентность молодой хищницы. Первое семейное столкновение: «... Счастливая семейная жизнь, нечего сказать: муж является с работы, нажирается (прежде она говорила „кушай шоколадку“, „я кушаю“, „он кушает“, а теперь в припадке злости кричала „нажирается“, забывая о золотой середине — глаголе „есть“...)».

Итак, в глаголе *кушать* и в современной речи ощущается особый оттенок значения — почтительный, уважительный, ласкательный.

Проведем один эксперимент. Перед нами книга К. Паустовского «Повесть о жизни». Если проследить страницу за страницей, отмечая все употребления глаголов *есть* и *кушать*, то можно сделать любопытный подсчет: *есть* — *съесть* — *поесть* — 45, *кушать* — *скушать* — *покушать* — только 13 и всякий раз в тексте эмоционально или локально окрашенном. Это или ласковое обращение к ребенку, или речь южан с типичным замещением *есть* глаголом *кушать*: «Фиринка — маленькая, с английскую булавку черноморская рыбка — подавалась всегда свежей по той простой причине, что никакой другой рыбы не было и вся Одесса ела (или говоря деликатно, по-южному, „кушала“) эту ничтожную рыбку... Ели ее сырую, чуть присоленную, или мелко рубили и жарили из нее котлеты. Котлеты эти можно было есть только в состоянии отчаяния или, как говорили одесситы, „с гарниром из слез“».

«Покушала немножко клейстеру... и колбасную корочку — вот и все». Именно так жалуется утомленная целодневным путешествием, озябшая, голодная чеховская Каштанка. Эти несколько строк описывают не только состояние Каштанки, но и продолжают характеристику среды, людей, окружавших Каштанку. Монолог Каштанки находится в том же стилевом плане, что и рассуждения подвыпившего Луки Александрыча («на фонарики глядим...»). Особый «деликатно-мещанский» стиль речи достигается накоплением ласкательно-уменьшительных форм (фонарики, немножко, корочку), в их ряду стоит и почтительно-ласковый, «уважительный» глагол *покушала*. Это обычное окружение *кушать*. Вот ср.: солидный, занятой Олег Иванович на приеме у врача. Рост — 180, объем груди — 112, объем талии — не стоит уточнять, говорит басом, жалуется.

«— Устал, совсем не могу кушать. Скушал тарелочку борща... шницель... немножко гарнира».

Невнимание к особому оттенку значения глагола *кушать*, может быть, не столь заметному в устной обиходной речи, оборачивается на письме уже совсем неприятными ошибками.

«Лошади кушают овес и сено» — это знаменитая фраза «милейшего» Ипполита Ипполитыча, учителя географии и истории из чеховского рассказа «Учитель словесности». Именно потому, что глагол *кушать*, слово, несущее оттенок особой вежливости, не сочетается с лошадьми, овсом и сеном, создается комический эффект.

Но вот перед нами газетный очерк: «— Холодно, конечно... Но овцам даже лучше, когда холодно, — они и кушают лучше, и шерсть хорошо растет». *Овцы кушают* — это смешно, но совсем иные ощущения вызывала у читателей строка в трагическом описании пыток в одной из первых публикаций-переводов из романа Андре Стиля «Обвал»: «Они заставили одного из пленных скушать полфунта соли».

У глагола *кушать* есть соперник, также неудачный конкурент *есть*. Это глагол *питаться*: «Холодные яйца всмятку — еда очень невкусная, и хороший веселый человек никогда их не стает есть. Но Александр Иванович не ел, а питался. Он не завтракал, а совершал физиологический процесс...». И. Ильф и Е. Петров раскрыли различительные оттенки в значениях *есть* и *питаться* и, оттолкнувшись от противопоставления этих двух глаголов, противопоставили хорошего жизнерадостного человека затаившемуся миллионеру, берегущему свой организм до «лучших дней».

А вот боцманша тетя Мотя, с которой мы познакомились в рассказе Б. Привалова «Тяжелый заяц», воспринимает глагол *питаться* как «интеллигентный» синоним к *есть*. Однажды в сумеречный час тетя Мотя сидела за «стопкой кефира», мужа не было рядом и ее, как всегда, охватило беспокойство, аппетит пропал... «— Нет, — сказала тетя Мотя, отодвигая стакан, — не могу питаться. Волнуюсь».

Как-то в «Вечерней Москве» было опубликовано письмо учительницы А. Ш.: «Я сама часто питаюсь в закуской „Москва“, но далеко не всегда ухажу с хорошим настроением. Его портит невкусно приготовленная пища». (А боцманша тетя Мотя не одинока!) Можно сказать:

«Я два-три дня в неделю питаюсь только молочным» (определенная периодичность), но нельзя: не могу питаться (сейчас, в данный момент). Глагол *питаться* осмысливается в плане «принимать пищу с лечебной целью», а не «для обычного удовлетворения голода». В таких случаях между глаголами *питаться* и *есть* стирается разница и возникает ошибка.

Хорошо известно, что слова могут менять свои значения. Но можно ли, наблюдая замену *есть* глаголом *кушать*, сказать, что это естественное движение в языке? Л. В. Щерба отметил чрезвычайно интересное взаимодействие между синонимами *есть* и *кушать*: «*Кушать*... занимает особое место рядом с *есть*. Оно, кстати сказать, является прекрасным примером сложности системы литературного языка: *кушать* неупотребительно ни в первых, ни в третьих лицах, а только в повелительном наклонении, где оно заменяет формы *ешь*, *ешьте*, являющиеся уже фамильярными, и с осторожностью в форме вежливости (2-е лицо мн. ч.), где оно легко может получать слащавый оттенок. Форма 3-го лица ед. числа может употребляться лишь как выражение нежности по отношению к ребенку».

Особый оттенок вежливости в значении глагола *кушать* был отмечен уже самым первым «Словарем Академии Российской» (1792). Все словари, посвященные правильности русской речи, отмечают ошибочное употребление глагола *кушать* (вместо *есть*): «Правильность русской речи. Словарь-справочник». Изд. 2-е. М., 1965; «Краткий словарь трудностей русского языка». М., 1968. В устной речи *кушать* очень часто вытесняет глагол *есть*, нередко, к сожалению, попадает и в газетно-журнальные публикации, но в художественной литературе синонимы *есть* — *кушать* явственно сохраняют свои различия. Употребление глагола *кушать* в значении «есть» в современном русском обиходном языке — это результат своеобразного взаимного влияния и скрещения южно-русских диалектов и украинского языка. В украинском языке глагол *кушати* означает «пробовать, отвеживать» и, конечно, возможен в 1-м лице. Кроме того, для русского языка глаголы на *-ать*, *-аю*, (ср. работать — работаю, кушать — кушаю) продуктивны, т. е. распространены, их изменение по лицам представляет единую систему (работаю, работаешь...), в то время как глагол *есть* имеет свое особое изменение (ем, ешь...). Все это ослабляет позиции глагола *есть* и позволяет в обиходной речи грамматически правильному южному *кушать* вы-

тознять нормативное *есть*. В то же время самый факт постоянного «обыгрывания» особых оттенков в значении глагола *кушать* говорит о его неравнозначности *есть*.

Конечно, вопрос об употреблении слов не сводится к сумме отдельных примеров, как бы выразительны сами по себе они ни были. Вопрос этот более сложен. Неверное употребление слов может придать нашей речи ненужную торжественность, ложный пафос, либо излишнюю сюсюкающую ласкательность. Норма — это не произвол консерватора-пурриста или, наоборот, лингвиста, идущего «вперед прогресса». Наблюдая, отмечая и оценивая все новое в языке, отказываться от старых норм можно только с большой осторожностью. Если здесь пельзя отставать, то нельзя и торопиться, чтобы не нарушить естественное развитие живого языка.

А. А. БРАГИНА

ЛАТВИЙСКИЙ ИЛИ ЛАТЫШСКИЙ?

В русском языке названию страны и народа обычно соответствует одно прилагательное: Грузия, грузин — грузинский (Грузинская ССР, грузинский народ, грузинский чай, грузинский фольклор), Туркмения, туркмен — туркменский (Туркменская ССР, туркменская семья, туркменские ковры), Италия, итальянец — итальянский (итальянская опера, итальянский пейзаж).

Исключения из этого правила единичны, например: Финляндия — финляндский, финн — финский. К ним относятся также прилагательные *латвийский* и *латышский*. Первое соответствует названию страны — Латвия, второе — названию народа — латыши. В словарях, начиная со Словаря Д. Н. Ушакова (1938), приводится слово *латвиец*, *латвийка* «житель Латвии», однако реально эти слова вряд ли употребляются, так как национальность всегда обозначается словом *латыш*, а в случаях, когда необходимо подчеркнуть, что речь идет именно о жителях Латвии, говорят: жители Латвии.